

В.И. Молодин¹, И.А. Дураков^{1, 2}, Л.С. Кобелева¹

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Новосибирский государственный педагогический университет

E-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru

Планиграфия погребальных комплексов андроновской (фёдоровской) культуры на могильнике Тартас-1: к постановке проблемы

Статья посвящена обобщению материалов погребальных комплексов андроновской (фёдоровской) культуры на могильнике Тартас-1 (Центральная Бараба). Исследования археологического объекта ведутся 15 лет. Наиболее репрезентативной частью памятника являются погребальные комплексы андроновской (фёдоровской) культуры, их количество постоянно увеличивается, к настоящему времени насчитывается более 500 погребений. В полевой сезон 2018 г. получена новая информация, позволившая уточнить и дополнить исследования предыдущих лет. В ходе анализа источников сделан вывод о том, что различия в выявленных вариантах андроновского (фёдоровского) погребального обряда указывают на формирование их основных элементов на основе одной и той же культурной традиции в совершенно разных конкретно-исторических условиях в значительной изоляции друг от друга.

Ключевые слова: Западная Сибирь, эпоха бронзы, погребальный обряд, андроновская (фёдоровская) культура.

V.I. Molodin¹, I.A. Durakov^{1, 2}, L.S. Kobeleva¹

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Novosibirsk State Pedagogical University

E-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru

Layouts of Funeral Complexes of the Andronovo (Fedorovo) Culture from Tartas-1 Gravel: to the Problem Statement

The article presents the generalization of the materials of the burial complexes of the Andronovo (Fedorovo) culture at the Tartas-1 burial ground (central part of the Baraba forest-steppe). Tartas -1 has been studied for 15 years. The most representative part of the site is the funerary complexes of the Andronovo (Fedorovo) culture, their number is growing up in the course of excavations and now it is more than 500 burials. In the field season of 2018, new information was obtained adding new facts to the research data of previous years. During the analysis of the sources, it was concluded that the differences in the identified variants of the Andronovo (Fedorovo) funeral rite indicate that their main elements were formed on the basis of the same cultural tradition under completely different historical conditions and in considerable isolation from one another.

Keywords: Western Siberia, Bronze Age, funeral rite, Andronovo (Fedorovo) culture.

Тартас-1 – один из крупнейших некрополей, содержащих захоронения практически всех известных в настоящее время в Обь-Иртышской лесостепи культур эпохи бронзы. Он расположен на высокой надпойменной террасе правого берега р. Тартас в 2,15 км к ССВ от автомобильного моста через р. Омь, в 2,5 км к северу от с. Старый Тартас, в месте слияния р. Омь и р. Тартас.

Наиболее репрезентативной частью памятника являются погребальные комплексы андроновской (фёдоровской) культуры, их количество постоянно увеличивается и к настоящему времени составляет более 500 погребений.

Несмотря на то, что исследования памятника продолжаются и количество исследованных захоронений ежегодно увеличивается, накопленный

к настоящему времени материал позволяет сделать некоторые статистические обобщения.

Уже отмечалось, что выявленный на Тартасе-1 андроновский (фёдоровский) могильник отражает сложные социально-экономические изменения, произошедшие в среде носителей этой культуры в период миграции популяций на территорию Барабинской лесостепи [Молодин, 2011; Молодин и др., 2017]. Выявлено два основных типа организации сакрального пространства могильника [Молодин и др., 2016, с. 358].

Наиболее распространенным типом планировки могильного поля является расположение могил рядами, вытянутыми с юга на север вдоль восточного края занимаемой могильником террасы.

Такое расположение имеют 476 могил андроновской (фёдоровской) культуры. Подавляющее большинство из них (389 погр.) совершены по обряду трупоположения (82 %), причем 123 из них детских, еще 10 сочетают погребение взрослого и ребенка. Кремация прослежена только в 65 захоронениях, что составляет 13,6 %. Сочетание кремации и ингумации встречается в 4 случаях (погр. № 306, 605, 662, 694), 18 погребений (3,7 %) являются, по-видимому, кенотафами. Следует отметить, что практически все кремации локализируются в северо-западной части могильного поля, на юго-восточной оконечности занимаемой могильником террасы выявлено только 16 таких захоронений.

Самые короткие ряды состоят из 3–4 могил, наиболее длинные тянутся на 70–85 м и включают от 20 до 27 погребений. Учитывая, что в некоторых компактно расположенных могилах найдена чешуя рыбы, выловленной в период одного сезона, можно предположить, что ряды могли формироваться в очень короткий промежуток времени (2–3 месяца) [Молодин и др., 2015, с. 79]. Например, обнаруженная в составляющих один ряд погр. № 280, 309, 311, 312 чешуя принадлежит рыбе, выловленной в зимний период, а могилы № 221, 225, 235 содержат рыбу летнего улова.

Второй тип погребального обряда демонстрирует совершенно иной принцип организации погребального пространства. Он четко локализуется на СЗ участке занимаемой памятником террасы. Основной структурной единицей этой части могильника является погребально-поминальный комплекс (ППК) состоящий из окруженного рвами погребения (или погребений). Кроме того, в этой части некрополя находились андроновские захоронения, не огороженные ровиками и (по крайней мере, формально) не включенные в ППК.

В настоящее время изучено 30 погребально-поминальных комплексов, объединивших 45 захоро-

нений. Поскольку исследование могильника в этой части не закончено, приводимые проценты подсчитаны условно.

Следует отметить, что в этой части могильника резко увеличивается количество кремаций. Такой погребальный обряд зафиксирован в 18 могилах, что составляет 40 % всего комплекса. В трех захоронениях кремация и ингумация сочетаются, и еще три являются кенотафами (?). Трупоположение присутствует в 46,6 % могил (21 ед.).

Чаще всего несколько таких погребально-поминальных комплексов объединяются в группы, каждая из которых представляет собой единый архитектурный ансамбль, часто занимающий значительную площадь.

Основой его является овальный или круглый разомкнутый с востока (реже и с запада) ров, охватывающий одно или два погребения. К нему примыкает несколько конструкций состоящих из могилы и полудуги окружающего ее рва. Добавочный ров всегда опирается одним концом на основной, составляя с ним единое целое.

Самое большое из полностью исследованных сооружений имеет 5 таких пристроек, которые явно возводились последовательно и предполагают как минимум четыре строительных периода. Аналогии подобному явлению встречаются на достаточно широкой территории, на памятниках Урала, Минусинской котловины и Казахстана [Усманова, 2005, рис. 32, 1, 34, 3; Маргулан и др., 1966, Максименков, 1978, табл. I, XVIII, XXI; Стефанов, Корочкова, 2006].

Различия в выявленных выше вариантах андроновского (фёдоровского) погребального обряда указывают на то, что их основные элементы были сформированы на основе одной и той же культурной традиции в совершенно разных конкретно-исторических условиях в значительной изоляции друг от друга.

Формирование андроновского (фёдоровского) могильника с линейной планировкой погребений следует отнести к моменту тесного контакта оставившего его населения с местной познекротовской культурой, что отразилось в погребальном обряде: расположение могил цепочками, преобладание трупоположения и т.д.

Использование сложных конструкций с ограничивающими сакральное пространство рвами и широким применением кремации явно восходит к классическим андроновским (фёдоровским) погребальным комплексам [Молодин и др., 2002; Наглер и др., 2011; Кобелева и др., 2014]. Но вопрос о векторе перемещения мигрантов, носителей вышеописанной традиции, и месте ее формирования нуждается в дополнительном исследовании.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 18-49-540003).

Список литературы

Кобелева Л.С., Дураков И.А., Наглер А. Курган андроновской культуры как архитектурный памятник (по материалам могильника Погорелка-2) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 184–186.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. – Л.: Наука, 1978. – 190 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 436 с.

Молодин В.И. Миграции носителей андроновской культурно-исторической общности в Барабинскую лесостепь // Древнее искусство в зеркале археологии: к 70-летию Д.Г. Савинова. – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 2011. – С. 58–69. – (Тр. САИПИ; вып. VII).

Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Конева Л.А. Рыба в погребальной практике носителей андроновской (федоровской) культуры (по материалам могильника Тартас-1, Барабинская лесостепь, Западная Сибирь) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 3. – С. 77–90.

Молодин В.И., Дураков И.А., Ненахов Д.А., Райнхольд С., Ефремова Н.С., Селин Д.В., Нестерова М.С., Ненахова Ю.Н., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С. Система организации сакрального пространства в погребальных комплексах андроновского (федоровского) населения Барабинской лесостепи. Памятник Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 358–362.

Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3 (11). – С. 48–62.

Молодин В.И., Хансен С., Дураков И.А., Райнхольд С., Кобелева Л.С., Ненахова Ю.Н., Ненахов Д.А., Демахина М.С., Селин Д.В. Новейшие археологические открытия на памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 357–360.

Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Молодин В.И., Хансен С. Андроновский (федоровский) курган на могильнике Погорелка-2 (Центральная Бараба) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 212–216.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I: зауральский могильник в андроновском контексте. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – 160 с.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский-I: Факты и параллели. – Караганда; Лисаковск, 2005. – 232 с.

References

Kobeleva L.S., Durakov I.A., Nagler A. Kurgan andronovskoi kul'tury kak arkhitekturnyi pamyatnik (po materialam mogil'nika Pogorelka-2). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XX, pp. 184–186 (in Russ.).

Maksimenzov G.A. Andronovskaya kul'tura na Enisee. Leningrad: Nauka, 1978. 190 p. (in Russ.).

Margulan A.Kh., Akishev K.A., Kadyrbaev M.K., Orazbaev A.M. Drevnyaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana. Alma-Ata: Nauka, 1966, 436 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Migratsii nositelei andronovskoi kul'turno-istoricheskoi obshchnosti v Barabinskuyu lesostep'. In *Drevnee iskusstvo v zerkale arkhologii*. Kemerovo, 2011, pp. 58–69 (in Russ.).

Molodin V.I., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Koneva L.A. Ryba v pogrebal'noi praktike nositelei andronovskoi (fedorovskoi) kul'tury (po materialam mogil'nika Tartas-1, Barabinskaya lesostep', Zapadnaya Sibir'). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2015, vol. 43, No. 3, pp. 77–90 (in Russ.).

Molodin V.I., Durakov I.A., Nenakhov D.A., Rainkhol'd S., Efremova N.S., Selin D.V., Nesterova M.S., Nenakhova Yu.N., Khansen S., Myl'nikova L.N., Kobeleva L.S. Sistema organizatsii sakral'nogo prostranstva v pogrebal'nykh kompleksakh andronovskogo (fedorovskogo) naseleniya Barabinskoi lesostepi. Pamyatnik Tartas-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 358–362 (in Russ.).

Molodin V.I., Hansen S., Durakov I.A., Rainkhol'd S., Kobeleva L.S., Nenakhova Yu.N., Nenakhov D.A., Demakhina M.S., Selin D.V. Noveishie arkhologicheskie otkrytiya na pamyatnike Tartas-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 357–360 (in Russ.).

Molodin V.I., Novikov A.V., Zhemerikin R.V. Mogil'nik Staryi Tartas-4 (novye materialy po andronovskoi istoriko-kul'turnoi obshchnosti). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2002, No. 3 (11), pp. 48–62 (in Russ.).

Nagler A., Kobeleva L.S., Durakov I.A., Molodin V.I., Khansen S. Andronovskii (fedorovskii) kurgan na mogil'nike Pogorelka-2 (Tsentral'naya Baraba). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011, vol. XVII, pp. 212–216 (in Russ.).

Stefanov V.I., Korochkova O.N. Urefty I: zaural'skii mogil'nik v andronovskom kontekste. Yekaterinburg: Ural Univ. Press, 2006. 160 p. (in Russ.).

Usmanova E.R. Mogil'nik Lisakovskii-I: Fakty i paralleli. Karaganda; Lisakovsk, 2005. 232 p. (in Russ.).